

Глава 19. Тот самый шахматист

Полууснув, я пригрелся в объятиях Люй Цэчжи. Придерживаясь золотого правила — молчание — золото, я старательно изображал из себя лицемера, который внимает игре, не проронив ни слова. Го, которое в наших краях величают искусством государственного значения, делится на девять рангов мастерства. Тех, кого называют «шахматистами», обычно относят к первому или второму разряду, а истинных гениев почитают как национальное достояние.

Глядя на старика, я впадал в глубокое замешательство. Все мои представления о «великих мастерах», кажется, разбивались вдребезги об этого почтенного старца.

Напротив нас сидел человек с самым что ни на есть благообразным видом. Время от времени он замирал в мучительных раздумьях, явно желая почесать в затылке от досады, но всякий раз спохватываясь, заботясь об имидже. Его рука, застывшая на полпути к макушке, неловко меняла траекторию, тянулась к чашке, и он принимался усердно глушить чай, пытаясь скрыть замешательство за мерным глотанием. Неужели этот суетливый любитель чаепитий и есть тот самый изысканный, оваянный славой гуру шахматного мира, которого я себе воображал? Честно говоря, верилось с трудом.

То он швырял камни на доску с невероятной скоростью, то вдруг шел на попятную и переживал, что-то непрестанно бормоча себе под нос. Пот катился с него градом, а он даже не успевал его утереть, словно вел с шахматной доской бой не на жизнь, а на смерть. Даже я, профан, понимающий в игре через пень-колоду, мог бы охарактеризовать это зрелище одним словом: нелепица. Полнейшее отсутствие системы!

Играет он — из рук вон плохо!

Манеры за доской — и говорить нечего, сущий кошмар!

А титул «шахматиста» — как по мне, так и вовсе пустой звук.

У меня снова разболелась голова. Человек, способный сохранять спокойствие и невозмутимость, играя с этим настырным и чудаковатым стариком, должен быть либо святым, либо у него в голове не хватает пары винтиков. Подозреваю, что господин Люй относится ко вторым, иначе любой на его месте, глядя на это шутовское представление, уже покатылся бы со смеху. А Цэчжи сидел с таким серьезным лицом, что мне захотелось отвесить ему земной поклон в знак безмерного уважения.

Что касается Юйчи Му, этой «увядающей красавицы» с вечной фальшивой улыбкой, тот хранил на лице лишь легкую, едва теплую усмешку. Он никак не комментировал ход партии, не мешал, лишь время от времени сканировал меня взглядом, а уголки его губ были неизменно приподняты на тридцать градусов вверх.

Вспомнив его правило «не смеяться», я невольно проворчал что-то про себя, но, память о его

редком тогда серьезном выражении лица заставила меня присмиреть. Рисковать и проверять на практике, что будет, если я сейчас расхохочусь, желания не было. Пришлось поднять чашку Цэчжи и сделать глоток, делая вид, что увлечен дегустацией чая, лишь бы отвлечься. Краем глаза я заметил Ши И, стоявшего справа от меня. Он застыл, а на лбу красовался огромный, непонятно откуда взявшийся синяк. Бедняга всю игру «считай овец», уставившись в кончик собственного носа, пока он нервно подергивал губами. Готов поспорить на что угодно: если он хоть на миг взглянет на этот хаос на доске, его плотину смеха прорвет окончательно!

Ладно, не буду его провоцировать, и так видно, как мучительно он сдерживается. Теперь я начинаю понимать необходимость этого запрета на смех. А посмотрите на Ши Юя... Он так старательно подливает чай шахматисту Увэй, будто намерен превратить старика в бездонную бочку. Какая это уже по счету чашка? Третья? Четвертая?.. Глядя на его предельно серьезную физиономию, я окончательно убедился: здесь и впрямь опасно даже улыбаться. Вон как братья Ши трепещут, боясь нарушить этикет.

Нет, больше я тут не выдержу! Если останусь — просто задохнусь от скуки и подавленного смеха. Нужно спасаться! Я слегка пошевелился в объятиях Цэчжи, и он тут же удивленно посмотрел на меня.

— Что случилось? — тихо спросил он, стараясь не тревожить старика, который из кожи вон лез, пытаюсь переломить ход игры.

— Э-э, я... — Сказать правду сейчас было бы не слишком вежливо. Но и оставаться здесь я больше не мог. Как бы ни было уютно в его руках, аккомпанемент из старческого ворчания портил всё удовольствие. Решил, что наслажусь его близостью позже, когда мы останемся вдвоем.

«У-у...» — в этот критический момент мой пустой желудок весьма недвусмысленно и не особо изящно заурчал. Сгорая от смущения, я поднял глаза на Цэчжи и виновато улыбнулся.

— Проголодался? — он нахмурился, явно собираясь закончить партию, но в следующую секунду шахматист Увэй, наконец-то решившийся на ход, нетерпеливо прикрикнул: «Продолжаем, продолжай!» Цэчжи замер, нахмурившись, едва мой живот снова предательски заурчал.

Однако старик истолковал его замешательство по-своему. Решив, что его ход был настолько гениален, что противник пал духом, он разразился восторженным хохотом:

— Ха-ха-ха! Ну что, малец, теперь-то ты признаешь поражение?!

Вид у него был такой самодовольный, что меня аж передернуло. Старик, ты что, не проснулся? Цэчжи играет в сто раз лучше тебя! Чтобы он проиграл? Это из области фантастики!

— Я сам пойду поищу чего-нибудь перекусить, — наконец нашел я идеальный предлог. Судя по

всему, мой голод решил стать моим ангелом-хранителем в этой ситуации. Я лениво перевел взгляд на Юйчи Му. По правилам приличия, если хочешь воспользоваться чужой кухней, стоит спросить разрешения у хозяев. Видя, что мастеру не до меня, я решил снизить до общения с его учеником: — Брат Юйчи...

— Прошу прощения, — он с улыбкой, острой как клинок, перебил меня на полуслове, — я намерен внимательно наблюдать за непревзойденным искусством своего учителя. Нечасто встретишь такого талантливого человека, как молодой глава Люй, чья игра и характер достойны высших похвал. Я не могу упустить такой шанс.

Справедливости ради, его речи звучали так, будто он просто сотрясает воздух, а в каждом слове сквозил сарказм. Но лицо его при этом оставалось таким серьезным и благоговейным, что волей-неволей приходилось принимать это за чистую монету. Эта его преданность учителю казалась совершенно искренней, как бы ни был странен этот старик.

— Хорошо, хорошо! Ученик, запомни этот ход хорошенько! Это же секретный прием, позволяющий вырвать победу из лап поражения! Чтобы ты мог научиться применять его на деле, я даже специально поддавался тебе всё это время. Смотри, учись! — Шахматист Увэй так сиял, будто победа уже была у него в кармане. Он говорил с такой уверенностью, что одним этим «я ради твоего блага стараюсь» легко перечеркнул тот факт, что только что был на грани полного разгрома.

Ха! Поверить ему — значит признать себя сумасшедшим. Но некоторые люди действительно странные донельзя. Юйчи Му ответил с полной серьезностью, будто это была истина в последней инстанции:

— Да, учитель, я внемлю вашим наставлениям.

Ох... У меня мурашки по коже пробежали. Я поспешно поставил чашку, понимая, что больше ни глотка в себя не втиснул бы. Эти двое — два сапога пара! Мастера врать и не краснеть.

Ладно!

— Ши И, пойдем готовить! — увидев его физиономию, будто он наступил в нечто дурно пахнущее, я из милосердия разрешил ему составить мне компанию. Всё равно мы здесь были лишними.

— Не перетруждайся. Если нужно будет сделать что-то тяжелое, оставь это И, ты еще слишком слаб, — Люй Цэчжи разжал руки, и в его взгляде было столько заботы, что в ней можно было утонуть.

— Не волнуйся, так и сделаю! — О да! Уж я-то его запрягу по полной. Набравшись наглости, я воровато запечатлел поцелуй на его щеке. Выждал три секунды, ожидая заслуженной оплеухи, но когда открыл глаза, увидел, что он лишь смущенно покраснел. Никакого гнева, который должен был бы испытать мужчина после такого поступка. Значит ли это, что я для него действительно особенный?

Значит, мы и раньше целовались, так?

Глядя на то, как Люй Цэчжи, этот грозный глава, краснеет перед своими подчиненными и чужими людьми, словно соседский мальчишка, я почувствовал прилив радости. Неужели это молчаливое признание наших чувств?

Ох, хе-хе, раз промолчал — значит, согласен! В душе я так и засиял от восторга.

— Пошли уже! — к сожалению, триумф был недолгим. Раздраженный Ши И мертвой хваткой вцепился в мой рукав и потащил прочь с такой скоростью, будто за нами гнался разъяренный тигр.

— Эй... эй-эй! — завопил я, едва поспевая за ним. — Да полегче ты, тише! — Я же еще не налюбовался тем, как мило Цэчжи смущается! Это же такое редкое зрелище!

Вытерев воображаемую слюну, я нехотя позволил уволочь себя из Изысканной обители «Наслаждение бамбуком».

— Тьфу! — Младший брат Ши сплюнул и резко остановился перед небольшим строением. Он с силой отпихнул мою руку и уселся прямо на землю. Спустя мгновение он нервно хихикнул, а затем его смех стал громче, переходя в настоящий хохот. Кажется, парня окончательно сорвало с катушек.

Плохо дело! То ли у него крыша поехала, то ли нервы сдали. Неужели начался приступ истерии? Ох, бедный ребенок!

Я приложил ладонь к его лбу — жара нет.

— Ты чего руки распускаешь? Веди себя прилично! — он хлопнул меня по руке, ничуть не заботясь о моей «хрупкости». Его смех оборвался в мгновение ока, и Ши И снова принял свой привычный заносчивый вид. Тьфу, так и подмывает ему задать трепку!

— Кажется, я долго был без сознания? — заглянув внутрь, я понял, что мы на кухне. Увы, запасы еды были плачевными: гора бамбуковых побегов да пара подвявших кочанов капусты. И это нам придется есть? Боги, я же больной! Такой скудный рацион мне явно не подходит.

— Без сознания? Ты уверен, что это так называется?! — Ши И покраснел и с презрением

фыркнул. — Кто в обмороке ведет себя так, как ты? В обычном состоянии человек как человек, а как лихорадка прижмет — превращаешься в какого-то похотливого разбойника. Каждый раз так и норовил к нашему молодому главе присосаться... — Он явно ворчал лишь для вида, потому что, выплеснув досаду, всё же пояснил: — Считая сегодняшний день, ты «безумствовал» пять суток!

Значит, не «в коме» и не «болел», а именно «безумствовал»? Я скривился и решил разузнать обстановку:

— Тот... когда я был не в себе... мы с твоим главой действительно... ну... это... — Я не смог выговорить слово «целовались». Краснея, я надеялся, что Ши И проявит чудеса догадливости.

— Что «это»?! — его реакция ясно дала понять, что с догадливостью у него туго.

Я тяжело вздохнул:

— Да поцелуй! Мы с твоим главой и правда... того?

— Ты еще смеешь спрашивать! — Ши И внезапно вскочил и, ткнув пальцем мне почти в нос, яростно заговорил: — Всё из-за тебя! Вечно ты устраиваешь эти сцены с рыданиями и угрозами... Вцепился в молодого главу мертвой хваткой и заявил, что не примешь лекарство, пока он тебя не поцелует... Ты... ты... — от возмущения он начал заикаться.

— Из-за твоих капризов молодому главе пришлось пожертвовать своим счастьем! Ты... как ему теперь смотреть в глаза мастерам со всего света?! — Ши И едва не плакал от обиды за господина.

— А? — Пожертвовать счастьем? Как смотреть в глаза миру? Да уж... ситуация и впрямь непростая. Будь это просто братская поддержка, проблемы бы не возникло. Но если между нами и впрямь проскочила искра, то для человека статуса Люй Цэчжи связь с мужчиной станет поводом для насмешек во всем мире боевых искусств.

Похоже, после короткого мига счастья нас ждут настоящие испытания. Мне-то что, я — безвестная травинка под ногами, а вот он... Решение за ним. Какой выбор он сделает?

Ладно! Рано об этом кручиниться. Может, Люй Цэчжи просто на миг поддался слабости? Вдруг однажды он проснется и решит, что всё это лишь братские чувства? Вот тогда и будем страдать, а сейчас нечего себя изводить.

Откинув мрачные мысли, я спросил:

— Так что это за шахматист Увэй такой? Почему мы именно к нему притащились? Помощь такого эксцентричного старика — дело ненадежное, не находишь?

— Пришли к нему, потому что он ближе всех. В нынешнем хаосе только у него хватит веса, чтобы нам помочь. И вообще, мы оказались здесь только из-за тебя! — Его палец снова больно ткнул меня в грудь, да так, что я чуть дух не испустил. Лишь заметив мою гримасу боли, он нехотя убрал руку.

— Кхм... Из-за меня? — Неужели я так важен? Я прямо растрогался. Оказывается, братья Ши всё-таки заботятся о моей шкуре. А я и говорил, что я отличный парень! Пусть Ши И ворчит, а Ши Юй вечно серьезен, в глубине души они за меня переживают...

— Не обольщайся! Если бы ты нас не тянул на дно, нам бы не пришлось идти на такие крайности! — Ши И окатил меня ушатом ледяной воды, глядя на меня как на полного идиота. Ладно-ладно, признаю: репутация у меня так себе. Но не обязательно же так больно жалить! Не забывай, кто меня с горы стаскивал!

Я обиженно пробурчал что-то под нос.

— И кроме него никого нет?.. Этот мастер Увэй и правда такой крутой? Но он же совершенно ненормальный! — Пропустив его шпильки мимо ушей, я вернулся к делу.

— Еще бы! Он не просто странный, он до крайности непредсказуем. Действует всегда по наитию, никакой логики, не разбирает, где добро, а где зло. Если есть с кем партию сыграть — хоть небо на землю рухни, ему плевать! Чтобы просить его о чем-то, условие одно — играй с ним. Если он выиграет и останется доволен, ему будет всё равно, кто ты — великий злодей или кровавый демон, он тебя защитит.

Проблема лишь в том, что этот старик, обожающий путать все карты и смыслящий во всём на свете, в шахматах — полнейший ноль. За десять лет ни на йоту не продвинулся, о его дурных манерах за доской легенды ходят, но он горделив до безумия и никогда не признает, что играет хуже других. Если попросишь его о помощи и случайно выиграешь — пиши пропало, разбирайся со своими проблемами сам! А если проиграешь слишком легко, и он почует, что ты ему поддаешься... Хе-хе! Тогда тоже ничего хорошего не жди.

Потому имя шахматиста Увэй и гремит на всю Поднебесную — не только из-за его чудачеств и невероятного мастерства в боевых искусствах, но и из-за его никудышной игры вкупе с холодным безразличием. До сей поры тех, кому удалось заручиться его поддержкой, можно пересчитать по пальцам одной руки.

— Судя по всему, от него одни проблемы, — подвел я итог.

— Ошибаешься! У Мастера шахмат Увэй есть одно неоспоримое достоинство: его слово — кремень. Если уж он пообещал помочь, то пойдет до самого конца и не отступится!

О как? Значит, его обещание стоит тысячи золотых? Тогда, если Цэчжи удастся заставить его выиграть так, чтобы старик остался доволен, он вполне может согласиться помочь. А если он

вмешается, это даст нам такую силу, что всё Общество Парящего Дракона, да и весь мир боевых искусств, содрогнется!

— Вот только... чтобы Цзэжи проиграл... это же почти невозможно! — Проиграть так, чтобы старик не заметил подвоха — это задача посложнее, чем победить в открытом бою.

— Молодой глава справится! — Ши И произнес это с такой глубокой уверенностью, что спорить не хотелось.

Да уж! Ставки слишком велики, проигрывать нельзя. Но... ох, как же всё непросто. И почему нам вечно попадают такие проблемные личности?!

<http://bllate.org/book/17512/1658249>